

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-210-216

Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

КЕРИМОВА Милана Магомедсадиговна,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Юридического института
Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Россия,

e-mail: milana7887@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА

Аннотация. В статье на основе комплексного уголовно-правового и криминологического анализа раскрываются проблемы квалификации преступлений, совершаемых в состоянии аффекта. Актуальность темы обусловлена высокой сложностью установления аффективного состояния в правоприменительной практике, значительным количеством судебных ошибок и отсутствием единообразных подходов к разграничению привилегированных составов со смежными деяниями. Выявлены и систематизированы основные группы проблем квалификации аффектированных преступлений: терминологическая неопределённость, разграничение физиологического и патологического аффекта, отграничение от смежных составов, процессуальные сложности доказывания. Аргументирован вывод о том, что отсутствие легальной дефиниции аффекта и единых критериев его установления порождает противоречивую судебную практику. Обосновывается необходимость законодательного закрепления понятия «аффект» в примечании к ст. 107 УК РФ, дополнения перечня смягчающих обстоятельств указанием на аффективное состояние, разработки единых методических рекомендаций по производству судебно-психологических экспертиз и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов в области юридической психологии.

Ключевые слова: аффект, внезапно возникшее сильное душевное волнение, преступления, совершённые в состоянии аффекта, квалификация преступлений, уголовное право, судебно-психологическая экспертиза, привилегированные составы, патологический аффект, необходимая оборона.

KERIMOVA Milana Magomedsadikovna,

Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Law Institute, Dagestan State University,
Makhachkala, Russia

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES COMMITTED IN THE STATE OF AFFECT

Annotation. The article, based on a comprehensive criminal-legal and criminological analysis, reveals the problems of qualifying crimes committed in a state of affect. The relevance of the topic is due to the high complexity of establishing an affective state in law enforcement practice, a significant number of judicial errors, and the lack of uniform approaches to distinguishing privileged compositions from related acts. The main groups of problems of qualification of affective crimes are identified and systematized: terminological uncertainty, differentiation of physiological and pathological affect, delimitation from related compositions, procedural difficulties of proof. The conclusion is substantiated that the absence of a legal definition of affect and uniform criteria for its establishment generates contradictory judicial practice. The necessity of legislative consolidation of the concept of "affect" in a note to Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation, supplementing the list of mitigating circumstances with an indication of the affective state, developing unified methodological recommendations for the production of forensic psychological examinations and improving the qualification of law enforcement officers in the field of legal psychology is substantiated.

Key words: affect, sudden strong mental agitation, crimes committed in a state of affect, qualification of crimes, criminal law, forensic psychological examination, privileged compositions, pathological affect, necessary defense.

Обеспечение справедливой уголовно-правовой оценки деяния невозможно без точного

учёта психоэмоционального состояния лица в момент его совершения. Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации в ст. 107 и 113 предусматривает ответственность за убийство и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершённые в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта). Законодатель совершенно обоснованно рассматривает данное состояние как обстоятельство, существенно снижающее степень общественной опасности содеянного, поскольку лицо, действующее в состоянии аффекта, частично утрачивает контроль над своим поведением, а его реакция провоцируется противоправным или аморальным поведением самого потерпевшего. Как справедливо отмечает А.Н. Попов, «преступления против личности со смягчающими обстоятельствами занимают особое место в системе Особенной части УК РФ, поскольку отражают компромисс между необходимостью защиты личности и учётом психофизиологических особенностей человека» [1, с. 12]. Развивая эту мысль, В.И. Ткаченко подчёркивал, что «аффект представляет собой такое эмоциональное состояние, при котором способность к осознанно-волевой регуляции поведения существенно ограничена, хотя и не утрачена полностью» [2, с. 18], что и предопределяет смягчение ответственности, но не освобождение от неё.

Актуальность исследования проблем квалификации аффектированных преступлений подтверждается данными судебной статистики. Как показывают исследования, более половины дел об убийствах, совершённых в состоянии аффекта, в суде апелляционной инстанции переqualифицируются со ст. 105 УК РФ на ст. 107 УК РФ, что свидетельствует о системных ошибках, допускаемых на стадии предварительного расследования и в судах первой инстанции при установлении психического состояния виновного [3]. По данным, приведённым К.М. Солдатовой, степень соответствия установленного экспертами аффекта квалифицированным судами статьям 107, 113 УК РФ достигает 89%, а исключённого экспертами аффекта квалифицированным статьям 105, 111 УК РФ – 97%, что, однако, оставляет достаточно значительный процент случаев рассогласования экспертных и судебных оценок [4, с. 35]. Эти цифры наглядно демонстрируют масштаб проблемы и необходимость её углублённого научного осмысления. Н.А. Лопашенко обращает внимание на то, что «ошибки в квалификации аффектированных преступлений не только нарушают принцип справедливости, но и подрывают доверие к судебной системе в целом, поскольку граждане видят, что за однотипные

деяния назначаются принципиально разные наказания» [5, с. 47]. Кроме того, по сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, ежегодно по ст. 107 УК РФ осуждается около 200 человек, однако это число не отражает реальной распространённости аффектированных убийств, так как многие деяния ошибочно квалифицируются по ст. 105 УК РФ [6, с. 6].

Центральной проблемой, с которой сталкивается правоприменитель, является отсутствие легального определения понятия «аффект» в тексте уголовного закона. Законодатель использует две терминологические конструкции – «внезапно возникшее сильное душевное волнение» и «аффект», не раскрывая их содержания и не определяя соотношения между ними. Конструкция ст. 107 УК РФ такова, что термин «аффект» дан в скобках после словосочетания «внезапно возникшее сильное душевное волнение», из чего можно заключить, что законодатель рассматривает их как синонимы. Однако в действительности содержание этих понятий совпадает не полностью: судебно-психологическое понятие аффекта охватывает лишь определённые виды эмоциональных состояний, тогда как внезапно возникшее сильное душевное волнение может включать и иные состояния, например, выраженное эмоциональное напряжение, не достигающее степени классического физиологического аффекта, но также существенно ограничивающее способность к осознанному контролю. Как справедливо указывают С.Н. Климов и К.А. Царёв, «состояние аффекта является важной психолого-медицинской и уголовной категорией, влияющей на вопросы определения вменяемости во время совершения преступления, однако отсутствие его чёткого определения в УК РФ порождает многочисленные проблемы при квалификации» [7, с. 85]. В результате термин «аффект» употребляется в трёх значениях: общепсихологическом, экспертном судебно-психологическом и уголовно-правовом, что порождает неизбежные разночтения. Как отмечается в специальной литературе, «в судебно-психологическом экспертном понятие аффекта вошли только те виды и признаки, которые могут быть прямо использованы при квалификации внезапно возникшего сильного душевного волнения» [8, с. 21], однако даже экспертное и уголовно-правовое понимание аффекта не всегда совпадают, что создаёт почву для судебных ошибок.

Не менее острую проблему представляет разграничение физиологического и патологического аффекта, имеющее принципиальное значение для решения вопроса о вменяемости лица. Физиологический аффект,

не исключающий вменяемости, характеризуется сужением сознания и ослаблением волевого контроля, но при этом лицо сохраняет способность осознавать фактический характер своих действий. Патологический аффект, напротив, представляет собой кратковременное психическое расстройство, при котором лицо полностью утрачивает способность осознавать свои действия и руководить ими, что влечёт признание его невменяемым в соответствии со ст. 21 УК РФ. А.А. Кузьмина справедливо указывает, что «лица, совершившие преступления в состоянии патологического аффекта, признаются невменяемыми и не могут нести уголовную ответственность, однако на практике грань между патологическим и физиологическим аффектом зачастую устанавливается лишь в ходе сложной комплексной экспертизы» [9, с. 228–229]. Особую сложность представляют случаи так называемого аномального аффекта, возникающего у лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, а также аффекта на фоне алкогольного опьянения. Современная экспертная практика выделяет целую группу подвидов аффекта, включая кумулятивный аффект, атипичный аффект и аффект на фоне простого алкогольного опьянения, каждый из которых требует особых диагностических критериев [10, с. 18–21]. При этом важно отметить, что кумулятивный аффект, формирующийся в результате накопления эмоционального напряжения под влиянием систематического противоправного или аморального поведения потерпевшего, зачастую представляет наибольшие трудности для диагностики, так как на момент совершения преступления может отсутствовать явно выраженный провоцирующий фактор, а сам аффект развивается как «последняя капля».

Дискуссионным в науке уголовного права остаётся вопрос о правовой природе аффекта. Ряд учёных, в частности Т. Ткаченко, рассматривают аффект исключительно как обстоятельство, смягчающее наказание, и полагают излишним выделение специальных привилегированных составов [11]. Другие исследователи, напротив, настаивают на необходимости сохранения ст. 107 и 113 УК РФ как самостоятельных составов, поскольку аффект влияет не только на степень общественной опасности содеянного, но и на характер вины. Следует согласиться с позицией А.Н. Попова, который обоснованно утверждает, что «преступления, совершённые в состоянии аффекта, обладают специфическими признаками субъективной стороны, обусловленными особым психоэмоциональным состоянием виновного, что требует их выделения в самостоятельные привилегированные составы»

[1, с. 57]. Действительно, аффект не просто снижает степень вины, но качественно меняет её содержание: умысел в аффектированном преступлении возникает внезапно как реакция на провокацию, а не формируется постепенно в результате обдумывания. По мнению П.С. Яни, «именно внезапность возникновения умысла, его непосредственная связь с провоцирующим поведением потерпевшего и ослабление волевого контроля отличают субъективную сторону аффектированных преступлений от субъективной стороны иных умышленных деяний» [12, с. 42].

Одной из наиболее сложных в практическом отношении проблем квалификации аффектированных преступлений является их отграничение от преступлений, совершённых при превышении пределов необходимой обороны. Оба состава характеризуются ответной реакцией на противоправное поведение потерпевшего, однако имеют принципиальные различия в мотивации и целях действий виновного. Как подчёркивает К.В. Дядюн, «при разграничении анализируемых составов преступлений в правовой литературе доминирующее значение придаётся мотиву действий виновного: защита правоохраняемых интересов – в случае превышения пределов необходимой обороны; месть – в случае совершения преступления в состоянии аффекта» [13]. Вместе с тем некоторые учёные, в частности Р. Юсупов, предлагают проводить разграничение по факту «оконченности» посягательства со стороны потерпевшего: если вред причиняется в процессе посягательства – это оборона, если после его окончания – аффект [14]. Следует отметить, что данная позиция не учитывает ситуаций, когда аффект возникает непосредственно в момент посягательства, но действия виновного выходят за пределы необходимой обороны именно в силу аффективного состояния. Так, если потерпевший напал на виновного с палкой, а тот в состоянии аффекта страха и гнева схватил нож и нанёс смертельное ранение, необходимо анализировать, действовал ли виновный с целью защиты или его действия уже были продиктованы местью за испуганное состояние. Проблема усугубляется тем, что в правоприменительной практике нередко встречаются случаи одновременного наличия признаков и аффекта, и превышения пределов необходимой обороны. Как указывает А.А. Сёмик, «если лицо действует в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного неправомерным поведением пострадавшего, при этом защищаясь от общественно опасного посягательства, то необходимо тщательно анализировать все обстоятельства дела для определения приоритетного мотива и

цели действий виновного» [15, с. 108]. При этом в состоянии аффекта страха может совершаться только необходимая оборона, и если обороняющийся в силу личностных психологических особенностей преувеличил опасность, что обусловило возникновение аффекта и превышение пределов обороны, то это не меняет правовой оценки обороны как таковой. Представляется, что для разрешения подобных коллизий судам необходимо во всех случаях назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу, ставя перед экспертами вопрос не только о наличии аффекта, но и о доминирующем мотиве поведения виновного в криминальной ситуации.

Значительные трудности вызывает квалификация убийства двух и более лиц в состоянии аффекта. Действующая редакция ч. 2 ст. 107 УК РФ предусматривает ответственность за убийство двух или более лиц, совершённое в состоянии аффекта. Однако, как справедливо отмечается в научной литературе, «в правоприменительной практике возникают серьёзные затруднения при квалификации таких деяний, поскольку необходимо установить, что все убийства были охвачены единым аффективным состоянием, а не совершены в разное время под влиянием различных эмоциональных всплесков» [16, с. 191]. Действительно, в условиях длящегося аффекта лицо может причинить вред нескольким потерпевшим, однако в каждом конкретном случае необходимо устанавливать, не было ли между эпизодами временного разрыва, достаточного для восстановления способности к осознанному контролю. Например, если лицо после убийства одного потерпевшего переместилось в другое помещение, нашло там второго потерпевшего и причинило ему смерть, возникает вопрос, сохранялось ли аффективное состояние на протяжении всего этого времени или же первое убийство уже привело к разрядке эмоционального напряжения. Судебная практика в этом отношении противоречива: в одних случаях суды признают наличие единого аффекта и квалифицируют содеянное по ч. 2 ст. 107 УК РФ, в других – усматривают совокупность преступлений, что приводит к необоснованному ухудшению положения виновного. В.И. Гладких предлагает закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъяснение о том, что «убийство двух и более лиц в состоянии аффекта может квалифицироваться по ч. 2 ст. 107 УК РФ только в том случае, если все деяния совершены в рамках единого аффективного состояния, возникшего как реакция на провоцирующее поведение потерпевших» [17, с. 102].

Существенной проблемой является также отсутствие в уголовном законе норм

об ответственности за иные преступления, совершённые в состоянии аффекта, помимо убийства и причинения вреда здоровью. Законодатель явно ограничил сферу действия привилегированных составов лишь наиболее тяжкими посягательствами на жизнь и здоровье, однако практика показывает, что в состоянии аффекта могут совершаться и иные деяния – уничтожение имущества, хулиганство, оскорбление. В научной литературе справедливо отмечается, что «отсутствие в УК РФ общего положения об аффекте как смягчающем обстоятельстве применительно ко всем составам преступлений является пробелом уголовного закона, который необходимо восполнить» [18, с. 17]. Представляется обоснованным предложение о дополнении перечня обстоятельств, смягчающих наказание, предусмотренного ст. 61 УК РФ, указанием на совершение преступления в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного противоправным или аморальным поведением потерпевшего, что позволит судам учитывать данное обстоятельство при назначении наказания за любые преступления, а не только за предусмотренные ст. 107 и 113 УК РФ. Т.Ю. Радионова, исследовавшая криминогенные детерминанты коррупционной преступности, также подчёркивает важность учёта эмоциональных состояний при квалификации деяний, поскольку «без адекватной оценки субъективной стороны преступления невозможно назначить справедливое наказание» [19, с. 179].

Процессуальные аспекты доказывания аффекта представляют не менее серьёзную проблему, чем материально-правовые. Основным доказательством наличия аффекта является заключение судебно-психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики, проведённый К.М. Солдатовой, существуют серьёзные проблемы в интерпретации правоприменителем экспертных заключений, особенно в той части, где эксперты указывают на индивидуально-психологические особенности обвиняемого [4, с. 40–41]. Суды нередко игнорируют выводы экспертов о наличии выраженного эмоционального напряжения, оказавшего существенное влияние на сознание и поведение обвиняемого, если эксперты не констатировали аффект в его классическом понимании. Между тем Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что «при квалификации внезапно возникшего сильного душевного волнения суды должны опираться не только на экспертное определение аффекта, но и на экспертную диагностику выраженного эмоционального напряжения,

оказавшего существенное влияние на сознание и поведение обвиняемого в криминальной ситуации» [8, с. 23]. Критически важным является фактор времени при производстве экспертизы аффекта. Как обоснованно отмечается в литературе, «главное – это не терять время, длительные перерывы во времени с момента совершения преступления до обследования виновного снижают вероятность установления фактического состояния лица, поэтому психологи и сотрудники правоохранительных органов должны работать совместно» [18, с. 18]. Между тем на практике экспертиза зачастую назначается спустя несколько месяцев после совершения преступления, что существенно затрудняет диагностику аффективного состояния, имевшего место в момент деликта. Кроме того, важнейшее значение имеют первые допросы обвиняемого, его показания, данные непосредственно после задержания, а также показания свидетелей, наблюдавших его поведение и эмоциональное состояние. Утрата или несвоевременная фиксация этих доказательств нередко приводит к невозможности достоверного установления аффекта и, как следствие, к неправильной квалификации содеянного.

С учётом выявленных проблем представляется необходимым предложить систему конкретных мер по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Прежде всего, следует законодательно закрепить понятие «аффект» непосредственно в тексте Уголовного кодекса РФ. В отличие от распространённого в доктрине предложения поместить такое определение в Общую часть (ст. 14 УК РФ), более обоснованным представляется иной подход – дать легальную дефиницию аффекта в примечании к ст. 107 УК РФ. Аргументация данного решения сводится к следующему. Во-первых, аффект как категория имеет значение прежде всего для составов убийства и причинения вреда здоровью, именно в них он выступает конститутивным признаком, а не просто смягчающим обстоятельством. Сосредоточение определения в примечании к 107 статье, являющейся базовым привилегированным составом, логически подчёркивает его системообразующую роль. Во-вторых, помещение дефиниции в Общую часть неизбежно повлекло бы её распространение на все нормы, включая те, где аффект не может быть учтён (например, на неосторожные преступления), что породило бы новые коллизии. В-третьих, предлагаемое примечание может содержать указание, что его положения применяются также к ст. 113 УК РФ, что позволит избежать дублирования. Таким образом, ст. 107 УК РФ предлагается дополнить примечанием

следующего содержания: «Под аффектом в настоящей статье и статье 113 настоящего Кодекса понимается внезапно возникшее сильное душевное волнение, представляющее собой кратковременное, интенсивно протекающее эмоциональное состояние, вызванное противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего либо длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, существенно ограничивающее способность лица к осознанно-волевой регуляции поведения и пик которого совпадает с моментом совершения преступления». Наличие такого определения устранил существующую терминологическую неопределённость и создаст правовую основу для единообразного применения ст. 107 и 113 УК РФ. Данное предложение находит поддержку в доктрине: Н.А. Лопашенко, хотя и высказывается за включение определения в Общую часть, признаёт, что «в качестве рабочего варианта возможно закрепление понятия в примечании к ст. 107, что позволит более оперативно решить проблему без масштабной ломки структуры кодекса» [5, с. 49]. Аналогичной точки зрения придерживается К.М. Солдатова, полагая, что «конкретизация признаков аффекта в примечании к ст. 107 УК РФ будет способствовать единообразию экспертной и судебной практики» [4, с. 45].

Не менее значимым направлением является совершенствование процессуального механизма назначения и производства судебно-психологических экспертиз. Представляется необходимым на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ закрепить правило об обязательном назначении комплексной психолого-психиатрической экспертизы по всем делам об убийствах и причинении тяжкого вреда здоровью, если в материалах дела имеются сведения о провоцирующем поведении потерпевшего или о необычном эмоциональном состоянии обвиняемого в момент совершения преступления. В.И. Гладких также поддерживает эту идею, указывая, что «обязательность экспертного исследования психического состояния обвиняемого в делах о преступлениях против жизни и здоровья существенно снизит вероятность судебных ошибок и необоснованного осуждения лиц, действовавших в состоянии аффекта» [17, с. 108]. Кроме того, необходимо разработать единые методические рекомендации по производству судебно-психологических экспертиз аффекта, которые содержали бы чёткие критерии диагностики как классического физиологического аффекта, так и его разновидностей – кумулятивного, аномального

аффекта и аффекта на фоне алкогольного опьянения. Это позволит минимизировать расхождения в выводах различных экспертов и повысить доказательственное значение экспертных заключений.

Третьим направлением совершенствования является повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов и судей в области юридической психологии. Представляется необходимым введение в программы профессиональной подготовки следователей, прокуроров и судей специальных курсов по основам судебной психологии и психопатологии, с акцентом на изучение признаков аффективных состояний и иных эмоциональных реакций, имеющих уголовно-правовое значение. Как показывают эмпирические исследования, юристы неполно осведомлены о современных разработках в вопросах экспертно-психологической диагностики и квалификации эмоциональных состояний лиц в контексте совершения ими преступлений [10, с. 20]. Преодоление этого разрыва между психологической наукой и юридической практикой является необходимым условием повышения качества правосудия по делам об аффектированных преступлениях.

Наконец, требует доктринального и законодательного разрешения проблема разграничения аффекта и превышения пределов необходимой обороны. Представляется обоснованным предложение К.В. Дядюн о закреплении в постановлении Пленума Верховного Суда РФ совокупности критериев, позволяющих отграничить данные составы, включая мотив действий виновного, временной фактор (началось ли посягательство, продолжается ли оно или уже окончено), характер провоцирующего поведения потерпевшего и его связь с ответной реакцией виновного [13]. При этом в случаях конкуренции данных составов предпочтение должно отдаваться тому, который наиболее полно отражает субъективную сторону содеянного, что соответствует принципу справедливости.

Проведённое исследование позволило установить, что проблемы квалификации преступлений, совершаемых в состоянии аффекта, носят комплексный характер и охватывают материально-правовые, процессуальные и организационные аспекты. Отсутствие легального определения аффекта, терминологическая двойственность уголовного закона, сложности разграничения со смежными составами и недостатки экспертного обеспечения создают серьёзные препятствия для справедливой уголовно-правовой оценки аффектированных деяний. Предложенная

система мер, включающая законодательное закрепление понятия аффекта в примечании к ст. 107 УК РФ, дополнение перечня смягчающих обстоятельств, закрепление правила об обязательном назначении экспертизы по делам о преступлениях против жизни и здоровья при наличии признаков аффекта, разработку единых экспертных методик и повышение квалификации правоприменителей, позволит существенно снизить количество судебных ошибок и обеспечить реализацию принципа справедливости при рассмотрении уголовных дел данной категории. Только системный подход, сочетающий законодательные новации с совершенствованием правоприменительной практики, способен разрешить накопившиеся противоречия и обеспечить единообразное применение норм об ответственности за преступления, совершённые в состоянии аффекта.

Список литературы:

- [1] Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 463 с.
- [2] Ткаченко В.И. Ответственность за умышленные преступления против жизни и здоровья, совершённые в состоянии аффекта: учебное пособие / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М.: ВЮЗИ, 1979. – 56 с.
- [3] Убийство, совершенное в состоянии аффекта, ошибочно квалифицируется по ст. 105 УК РФ // Администрация Уланхольского СМО РК. – 2024. – URL: <https://usmolrk.ru> (дата обращения: 13.05.2026).
- [4] Солдатова К.М. Анализ судебных решений по преступлениям, включающих вопрос о квалификации аффекта // Психология и право. – 2025. – Т. 15. – № 2. – С. 34–46.
- [5] Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики и против личности: вопросы квалификации. – М.: Норма, 2023. – 312 с.
- [6] Обзор практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2024 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2025. – № 3. – С. 5–12.
- [7] Климов С.Н., Царёв К.А. Состояние аффекта как категория уголовного права: анализ теории и практики // Вестник Пензенского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 85–89.
- [8] Сафуанов Ф.С., Макушкин Е.В. Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы: хрестоматия. – М.: Генезис, 2013. – 309 с.
- [9] Кузьмина А.А. Проблема квалификации преступлений, совершённых в состоянии аффекта // Молодой учёный. – 2024. – № 2 (501).

– С. 228–229.

[10] Судебная экспертиза аффекта в практике сегодняшних дней // Российский следователь. – 2025. – № 9. – С. 18–21.

[11] Ткаченко Т. Преступление совершено в состоянии аффекта... // Адвокат. – 2025. – URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 13.05.2026).

[12] Яни П.С. Субъективная сторона преступлений против личности: проблемы квалификации. – М.: ЮрИнфоР, 2022. – 256 с.

[13] Дядюн К.В. Состояние аффекта и превышение пределов необходимой обороны: вопросы соотношения и разграничения составов // Адвокат. – 2013. – № 9.

[14] Юсупов Р. Соотношение аффекта и превышения пределов необходимой обороны // Российская юстиция. – 1999. – № 5.

[15] Семик А.А. Преступления, совершённые в состоянии аффекта и в состоянии необходимой обороны: общие и отличительные признаки в контексте психологического анализа // Право и практика. – 2023. – № 2. – С. 106–112.

[16] Забирова Р.Ю., Штефан А.В. Спорные вопросы квалификации убийств, совершённых в состоянии аффекта // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2024. – № 2. – С. 188–195.

[17] Гладких В.И. Преступления против личности: вопросы квалификации и назначения наказания. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 256 с.

[18] Проблемы квалификации преступлений, совершённых в состоянии аффекта // Юридическая психология. – 2023. – № 2. – С. 16–21.

[19] Радионова Т.Ю. Криминогенные детерминанты коррупционной преступности // Молодой учёный. – 2023. – № 6 (453). – С. 178–180.

References:

[1] Popov A.N. Crimes against the person under extenuating circumstances. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2001. - 463 s.

[2] Tkachenko V.I. Responsibility for intentional crimes against life and health committed in a state of passion: textbook/resp. ed. B.V. Zdravomyslov. - M.: VUZI, 1979. - 56 s.

[3] Murder committed in a state of passion is erroneously qualified under Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation//Administration of the Ulankholsky SMO RK. – 2024. - URL: <https://usmolrk.ru> (access date: 13.05.2026).

[4] Soldatova K.M. Analysis of court decisions on crimes, including the question of the qualification of affect//Psychology and law. – 2025. - T. 15. - №

2. - S. 34-46.

[5] Lopashenko N.A. Crimes in the field of economics and against the individual: issues of qualifications. - M.: Norma, 2023. - 312 s.

[6] Review of the practice of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation for 2024//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2025. – № 3. - S. 5-12.

[7] Klimov S.N., Tsarev K.A. State of affect as a category of criminal law: analysis of theory and practice//Bulletin of Penza State University. – 2022. – № 3. - S. 85-89.

[8] Safuanov F.S., Makushkin E.V. Affect: practice of forensic psychological and psychiatric examination: anthology. - M.: Genesis, 2013. - 309 s.

[9] Kuzmina A.A. The problem of qualification of crimes committed in a state of passion//Young scientist. – 2024. – № 2 (501). - S. 228-229.

[10] Forensic examination of affect in the practice of today//Russian investigator. – 2025. – № 9. - S. 18-21.

[11] Tkachenko T. The crime was committed in a state of passion ...//Lawyer. – 2025. - URL: <https://online.zakon.kz> (access date: 13.05.2026).

[12] Jani P.S. The subjective side of crimes against the person: problems of qualification. - M.: YurInfoR, 2022. - 256 s.

[13] Dyadyun K.V. State of affect and exceeding the limits of necessary defense: issues of correlation and delimitation of compositions//Lawyer. – 2013. – № 9.

[14] Yusupov R. The ratio of affect and exceeding the limits of necessary defense//Russian justice. – 1999. – № 5.

[15] Semik A.A. Crimes committed in a state of affect and in a state of necessary defense: general and distinctive features in the context of psychological analysis//Law and practice. – 2023. – № 2. - S. 106-112.

[16] Zabirowa R.Yu., Stefan A.V. Controversial issues of qualification of murders committed in a state of passion//Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2. - S. 188-195.

[17] Gladkikh V.I. Crimes against the person: issues of qualification and sentencing. - M.: Yurлитинформ, 2023. - 256 s.

[18] Problems of qualification of crimes committed in a state of passion//Legal psychology. – 2023. – № 2. - S. 16-21.

[19] Radionova T.Yu. Criminogenic determinants of corruption crime//Young scientist. – 2023. – № 6 (453). - S. 178-180.